

ФИЛОСОФИЯ

НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

УДК 165.0+111.83+140.8

В ПРЕДДВЕРИИ ИСТИНЫ (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОЭМИЯ К ПОЭМЕ ПАРМЕНИДА)

© Ю. А. Разинов

Разинов Юрий Анатольевич

доктор философских наук,
доцент

профессор кафедры
философии гуманитарных
факультетов

Самарский национальный
исследовательский
университет

им. С. П. Королева

e-mail: razinov.u.a@gmail.com

Статья поднимает вопрос о начальном мышлении, который обсуждается в ходе интерпретации поэмы Парменида «О природе». Автор обращает внимание на двойное назначение проэмия — композиционное и содержательное. Проэмий трактуется как вступление (введение, зачин), изображающее само вступление — инициацию мышления. В рамках данной трактовки сюжет поэмы приобретает логику восхождения к истине, в то время как путь мнения — логику обратного нисхождения. Оценка начального мышления в качестве девиации доксы и своеобразного без-умия ставит вопрос о его отношении к праву. В этом аспекте проэмий представлен как передача исторической эстафеты «от права к истине». Показывая юридическую наследственность философского словаря, автор рассматривает соотношение понятий истины и права.

Ключевые слова: истина, правда, право, справедливость, начальное мышление, проэмий, инициация, зачин, алетейя, докса, достоверность.

В историко-философских штудиях поэмы Парменида «О природе», как правило, центральное место отводится второй части произведения, которая в условной разбивке текста обозначена как «Путь истины». И это справедливо, так как именно здесь представлены основные идеи философа. Завершающая третья часть, обозначенная как «Путь мнения», в оценках комментаторов носит второстепенный характер, хотя сам автор сообщает устами богини-Истины: «Мне безразлично, откуда начать, ибо снова туда же я вернусь»¹.

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 195.

Спрашивается, куда должна возвратиться богиня в своем рассказе? Ответ очевиден: к самому различению истины и доксы, которое имеет характер герменевтического круга. Путь к истине пролегает через мир доксы, и, наоборот, суть доксы раскрывается через познание истины. Можно было бы, начав с доксы, приступить к разбору истины, как это имеет место в критическом исследовании, но автор совершает обратный ход: он возвращается от истины к мнению — к тому, что в известном смысле обесценено предыдущим рассуждением. Является этот выбор прихотью или имеет внутреннюю логику? Попробуем это прояснить.

Объяснением служит вводная и, таким образом, первая часть поэмы — «проэмий», где описывается путешествие юноши-героя в чертоги Истины (Αλήθεια). Это мифопоэтическое введение, казалось бы, имеет малое отношение к тому «учению о бытии», что разворачивается в центральной части произведения. Однако так кажется только при беглом взгляде. Проэмий находится в глубокой и сущностной связи с теми идеями, которые Парменид излагает в последующих частях. И дело не только в формальном смысле того, что это есть некое «предисловие», «введение» или «прелюдия», без которого не обходится хоть сколько-нибудь развернутое действие. Дело не только в том, что проэмий служит предварительному пониманию, но и в том, что он описывает экзистенциальные условия самого понимания. В этом отношении он есть *вступление*, *зачин*, а не просто *присказка* или *предисловие*. Иными словами, проэмий несет на себе ту топологическую коннотацию, которая почти затёрта в повсеместном словоупотреблении. «Зачин» и «вступление», как, в прочем, и «в-ведение», отсылают нас к началу пути, к его *инициации*.

Проэмий описывает не что иное, как преддверие, в котором совершается выдвижение из мира доксы и вступление в чертоги Истины, то есть переход и инициация. Этот переход представлен как головокружительная скачка на колеснице из тьмы Ночи к свету Солнца и прохождение инициальной двери:

«Этим путем я летел, по нему меня мудрые кони,
Мча колесницу, влекли, а Девы (Гелиады) вожатыми были.
<...>
Там — ворота путей Дня и Ночи, объемлемы прочно
Притолкой сверху и порогом каменным снизу,
Сами же — в горном эфире — закрыты громадами створов,
Грозновозмездная Правда (Дикэ) ключи стережёт к ним двойные»².

Согласно А. Ван-Геннепу, прохождение ворот или дверей есть инициация — один из наиболее распространенных обрядов перехода из одной половозрастной, а значит, и социальной категории в другую³. В поэме Парменида переход героя в состояние «познавшего мужа» приобретает очевидный смысл *инициации мышления*. Рассказ об инициации в начале повествования служит одновременно инициации самого рассказа как сказания о мышлении. Значения

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. С. 195.

³ См.: *Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов*. М. : Восточная литература, 2002.

В преддверии истины (к интерпретации проэмия к поэме Парменида)

греческого слова «проэмий» (προοίμιον) — «вступление», «предисловие», «запев», «зачин» — приобретают здесь двойное назначение: композиционное и содержательное. Зачин (пред-сказание) служит не только для начала сюжета, каковым является размышляющий сказ о путях истины и мнения, но также и для *изображения* самого этого начала — *начала мысли*. В этом смысле это вступление, изображающее само вступление. С учетом того, что проэмий завершается прохождением инициальной двери, можно сказать, что это ещё и преддверие — отрезок пути в предъ-явлении истины, и таким образом это начало пути не только в темпоральном отношении (зачин), но и в пространственном (промежуток). К слову сказать, προοίμιον в особых случаях означает «интервал», «коридор», «отрезок»⁴.

На этом отрезке происходит нечто важное в деле последующего раскрытия существа истины, а именно радикальная метаморфоза сознания героя. Метафорически изображенная в виде головокружительной скачки, внутренняя метаморфоза становится экзистенциальной предпосылкой события истины (встречи с Истиной). В этом отношении проэмий — это путь *восхождения* к истине, в то время как путь мнения — путь *нисхождения* к доксе. Этим обстоятельством легко объясняется та последовательность частей, о которой богиня-Истина говорит, что ей всё равно, откуда начать. Если проэмий — это путь восхождения на гору, то естественным продолжением движения мысли должно стать покорение вершины и спуск назад — в низлежащий мир обыденного мнения, в мир, обхоженный людскими тропами. Сам же путь к истине лежит, по словам Парменида, вне людской тропы:

«...Воистину он за пределами тропе человек»⁵.

Эта за пределами характеризует событие мысли как событие за пределами доксы, а следовательно, и нормы. Мыслительный зачин, вступая в противоречие с *доксой*, рождает *парадоксы*, что по-гречески буквально означает «за пределами доксы». Такие парадоксы и формулирует Парменид в центральной части произведения: сущее как таковое одно и целокупно, оно неподвижно и неделимо, оно не рождается и не гибнет и т. д. В парадоксальности заключается начальность мысли, которая, выскакивая и отклоняясь за пределы доксы, вступает в противоречие с тем порядком, что освящён традицией и авторитетом доксального права. Всякое начало поэтому не только трудно, но и наказуемо. «Инициатива наказуема», — говорим мы. Но и сама инициация, по сути, есть *наказание* (ребенка). Скажем так: на-каз-ание, подчеркнув корень «каз», лежащий в основе «законодательных» терминов «у-каз», «на-каз», «при-каз», «каз-нить», «за-каз»⁶.

Итак, проэмий есть выход на сцену, зачин. В этом смысле мы могли бы сказать во след О. Каравайчуку, что инициация есть некое *па-де-де* мышления, которое столь же гениально, как и безумно⁷. Это без-умие заключается в

⁴ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Band I. A–Ko. Heidelberg, 1960. S. 363.

⁵ Фрагменты ранних греческих философов. С. 287.

⁶ Не случайно, по-видимому, что учительская указка становится инструментом наказания в авторитарной школе.

⁷ Музыкальное интервью О. Каравайчука «Рука Гоголя». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n8Nuk5tO8DA> (дата обращения: 11.03.2013).

отбрасывании (орто)доксального мира — как прошлого, так и будущего⁸. В этом же смысле О. Каравайчук говорит о «независимости начала от своего будущего», от того, что следует за первым актом (божественного) творения. Последующее творчество (в его терминах «вытворяние») может быть по-своему умно и технично (искусственно), но первое творение — это гениальное сумасшествие. Такое сумасшествие Платон называет «божественным наитием», когда объясняет значение слова ἀλήθεια (истина) из сочетания двух слов — ἀλή (вмешательство) и θεία (богиня)⁹. Греческий словарь дает несколько значений слова ἀλή, одним из которых является «помешательство»¹⁰. Таким образом Платон мог иметь в виду состояние, ослабленное русским переводчиком, а именно божественную одержимость и помешательство духа.

Не означает ли это, что инициация мышления, как отклонение (девиация) от нормы, есть нечто *беззаконное*? Парменид, словно бы предвидя этот вопрос, вкладывает в уста богини Алетейи следующие слова:

«Радуйся! Ибо тебя не злая Судьба проводила
Этой дорогой пойти — не хожено здесь человеком —
Но Закон (Фемида) вместе с Правдой (Дикэ)»¹¹.

Данное предупреждение — свидетельство того, что путь к истине для Парменида проходит через область *права*. Поэтому и прохождение «ворот путей дня и ночи» требует юридической санкции, которая к тому же есть санкция традиционного, т. е. *мифологического* права. Законодательная Фемида и наказывающая Дикэ — персонажи древней мифологии. В отличие от них Алетейя — новоявленная богиня, а по существу *аллегория*, авторитет которой ещё предстоит обосновать. Но это же значит, что у Истины вовсе нет никакого авторитета: если авторитет существует, то он не требует доказательства, если же необходимо доказательство, то авторитет улетучивается сам собой. Истина потому и истина, а не правда, что она утверждается без опоры на авторитет¹².

То обстоятельство, что именно Фемида и Дикэ объявлены охранниками и проводниками в царство Истины, говорит о том, что сюжет поэмы следует трактовать в смысле передачи божественных полномочий от древних богинь к новой владычице умов. Алетейя, сокрытая за грандиозными воротами, должна явиться во всей своей нескрывтости, чтобы в итоге затмить институты древнего священного права, вырвать это право из под непредсказуемой и всегда сокрытой (облачной) воли богов. Законодательной силой, следовательно, должна стать сама Истина. Будучи торжественно «сданной под ключ», она сама должна стать ключом к *справедливости* (истине права). Отпирание двойного замка в поэме, таким образом, символизирует право на «безумие» *начального мышления*. Это право дается не каждому, а лишь тому, кто его «заслужил». Инициация

⁸ Отсюда известный призыв: забыть всё то, чему учили в школе.

⁹ Платон. Кратил // Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / Платон. М. : Мысль, 1990. С. 658.

¹⁰ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М. : Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. С. 52.

¹¹ Фрагменты ранних греческих философов. С. 295.

¹² См. об этом: Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 125.

В преддверии истины (к интерпретации проэпия к поэме Парменида)

(коль скоро мы говорим об инициации мышления), взятая сама по себе, есть обряд, смысл которого — переход из одного статуса в другой, т. е. вхождение в полноту прав зрелого человека. Тот, кто ещё вчера был юношей, становится «познавшим мужем» и вместе с тем полноправным членом общества. В этом, согласно всеобщему мифологическому коду, герою помогают высшие силы:

«Стали Девы её уговаривать ласковой речью
И убедили толково засов, щеколдою замкнутый,
Вмиг отпереть от ворот. И они тотчас распахнулись
И сотворили зиянье широкоразверстое створов»¹³.

За этими створами перед нами открывается зияющая пропасть, пустая область метафизического мышления, которую предстоит осваивать греческим философам, наводя концептуальные связи и заполняя пустое пространство философскими понятиями и категориями. Между тем родимые пятна юридической наследственности остаются ещё довольно долго.

Ранее мы уже высказались о значении правовой парадигмы, наложившей глубокий отпечаток на всё раннефилософское мышление¹⁴. Это относится не только к римской, но и греческой культуре, где существенная часть философского словаря имеет ярко выраженную юридическую наследственность. К примеру, слово «категория», до того как стать основным термином языка метафизики, имело юридическое значение обвинения, приговора¹⁵. Из практики судебной тяжбы проистекает форма научного «доказательства» и «опровержения». В русском языке такие термины, как «суждение», «рассуждение», «рассудок», имеют референцию к суду и судопроизводству. А такой, казалось бы, сугубо научный термин, как «определение», сегодня используется как юридический термин («определение суда»). Сама философия зарождалась в атмосфере тяжбы на греческой агоре и совершенствовалась в практиках полисного «судоговорения» (κατηγορία). Она разворачивалась не только как теория (зрелище самого зрелища), но и как «суд разума». Закон — общее слово для науки, философии и юриспруденции. В отличие от египетской науки, которая существовала в режиме авторитарной (мифологической) власти, греческая наука и философия приобрели особый *аподиктический* стиль. Доказательство и опровержение, как формы обоснования истины, складывались в парадигме беспристрастного гражданского суда. Прежде всего, это характерно для афинской школы философии, формирование которой самым непосредственным образом связано с темой правосудия и её квинтэссенцией — судом над самой философией в лице Сократа¹⁶.

Из сказанного следует, что понятие истины — гораздо более поздний феномен, нежели справедливость и её исторически ранняя форма — правда

¹³ Фрагменты ранних греческих философов. С. 295.

¹⁴ Разинов Ю. А. Истинное и правильное (о правовом истоке понятия истины) // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 20–25.

¹⁵ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. С. 693.

¹⁶ См.: Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соч.: в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьев. М. : Мысль, 1988; Васильева Т. В. Поэтика античной философии. М. : Академический проект : Трикта, 2008.

(право). Закон исторически и логически предшествует истине, и именно поэтому истина, эмансипированная из области права, может стать законом, чтобы на следующем шаге попытаться стать справедливостью — своего рода истиной права. Именно поэтому вопрос о справедливости становится главным содержательным вопросом Платона, в то время как вопрос об истине — лишь инструментом для его решения.

Хайдеггер, уделивший немало времени вопросу об исторической трансформации понятия истины от ἀλήθεια к veritas и justitia в своем анализе поэмы Парменида, как кажется, не случайно обошёл тему «ἀλήθεια – δίκη», притом что это центральная тема проэмия. Хайдеггеру необходимо было показать «юридизацию» истины как живого бытийного опыта несокрытости (откровения) и её редукцию к методически выверенной достоверности. По Хайдеггеру, романская культура с её развитыми гражданско-правовыми институтами и тяготением к процедурно-установленной справедливости (justitia) наложила неизгладимый отпечаток на греческое понятие истины. Алетейя, утверждает он, была заключена в «романский бастион veritas, rectitudo и justitia»¹⁷. Сформированное под римским началом европейское понятие истины как *адекватности* и *достоверности* — это продукт позднего истолкования алетейи в смысле «верного» (verum), «правильного» (rectum), «справедливого» (justitia) и «достоверного» (rectitudo) суда и суждения¹⁸. В таком истолковании немецкий философ усматривал причину искажения и последующего забвения начального смысла истины как «несокрытости». Это забвение — не продукт недоразумения. Оно обусловлено самим стилем жизни великой империи, основу которой составляет приведение к подчинению и установление властного порядка на основе строго формализованных правил. «По-римски имперское» сознание истины в значительной степени детерминировано юридическими процедурами расследования, удостоверения и доказательства в суде. На архаический слой «непотаянности» как бы накладывается имперская печать «высшего повеления». Таким образом, историческим результатом наложения юридической практики на греческое понятие алетейи в конечном счете и становится понятие истины как объективной до- и пред-ставленности, т. е. *достоверности*.

Вместе с тем, представляя этот исторический вектор движения, Хайдеггер не берет в расчет юридическую наследственность самого понятия истины как несокрытости *закона и права*. Идея осмыслить исторический процесс как процесс замещения греческого понятия алетейи романским понятием достоверности весьма продуктивна. Однако она создает впечатление вторичности «юридической» парадигмы её истолкования, что, на наш взгляд, не верно. Фигурально говоря, Хайдеггер надевает на греческое мышление феноменологические очки. Греки в его подаче — этикие первоэмансипированные феноменологи. Несокрываемость для феноменолога есть феноменологически первое понятие истины. И это верно в рамках *дескриптивного* подхода. Вместе с тем имеет своё основание и *генеалогический* подход, согласно которому понятие

---

¹⁷ Хайдеггер М. Парменид. СПб. : Владимир Даль, 2009. С. 121–122.

¹⁸ Там же. С. 100–123.

алетейи, которое он называет первичным, само появляется как результат высвобождения сознания из-под опеки традиционного обычая и права. С этой точки зрения так называемая «романизация» греческой алетейи — это акт *вторичной* «юридизации» понятия, которое, зародившись в семиотическом слое древнего права, в определенный момент истории вышло из-под его «юрисдикции»¹⁹.

Формула «право до истины» имеет в виду не перестановку с места на место «феноменологически очевидного» — не хитроумную рокировку «истины» и «правды». Она имеет в виду даже не *онтический* приоритет права и правды (жизни) в смысле Хайдеггера, у которого онтический порядок вещей в итоге преодолевается онтологическим мышлением. Речь идет о плотности материальной среды — сферы реального права с присущими ей сутяжничеством, борьбой интересов, судом и казнью, давлением на суд и следствие, подкупом и фальсификациями, правом сильного, у которого «бессильный виноват». Так понятие право по отношению к истине (а следовательно, и праву, открывшемуся «в свете истины») есть некая дофеноменальная вещь-в-себе, не редуцируемая в познавательной рефлексии. Ницше его называл формой воли к власти. Пройдя «ворота путей Дня и Ночи», метафизическое мышление решило, что можно оставить этот важный рубеж далеко за спиной. Оно решило, что оно самозаконно и не требует для себя никакой внешней управы. «Дух дышит, где хочет», — говорит оно устами Гегеля, и никто ему впредь не укаж. Многокарающая Богиня с её мечом (олицетворение силового порядка), словно вытесненный травма-тический элемент прошлого, оставлена метафизикой далеко позади. Но это лишь говорит о финальности мышления. Если же вернуться к его истоку, то следует вновь проходить инициальные ворота: не пребывать в рафинированном пространстве «феноменологически очевидного», а погрузиться в бытийную толщу вещей, борьбы сил и интересов, из которой только и происходит раскрытие — алетейи.

pS

Софистика с её «правом сильнейшего» тоже есть род начального мышления. Род софиста, по словам Платона, трудно уловить, но его всё же придётся уловить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева Т. В.* Комментарии к курсу истории античной философии // Поэтика античной философии. Москва : Академический проект : Трикта. 2008. С. 435–704.
2. *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. Москва : Греко-лат. кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1371 с.
3. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. Москва : Восточная литература, 2002. 198 с.
4. *Каравайчук О.* Рука Гоголя / музыкальное интервью. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n8Nuk5tO8DA> (дата обращения: 11.03.2013).
5. *Платон.* Кратил // Собр. соч. : в 4 т. Т. 1 / Платон. ; общ. ред. А. Ф. Loseva [и др.]. Москва : Мысль, 1990. С. 613–676.

---

¹⁹ *Разинов Ю. А.* Истинное и правильное. С. 24.

Ю. А. Разинов

6. Разинов Ю. А. Истинное и правильное (о правовом истоке понятия истины) // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 20–25.
7. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Соч. : в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьев. Москва : Мысль, 1988. С. 582–625.
8. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Рожанский. Москва : Наука, 1989. 576 с.
9. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116–163.
10. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2009. 384 с.
11. Frisk H. Griechisches etymologisches wörterbuch / H. Frisk. Band I. A–Ko. Heidelberg, 1960. XXX, 315 s.